**Е.В. Крутицкая**
учитель истории
школы № 648,
кандидат
исторических наук,
г. Москва

# Социальное партнерство в сфере социологии образования: взаимодействие общества, церкви и государства как условие развития российской школы

## (на примере второй половины XIX — начала XX века)

Главная цель стабильного, устойчиво развивающегося общества — это успешное определение точек соприкосновения между различными социальными группами. Социальное партнерство выступает эффективным институтом сближения интересов различных как властных, государственных структур, так и негосударственных организаций. В области образования указанный аспект чрезвычайно важен, так как процесс обучения является интегральной, обобщающей ценностью духовной культуры. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с жизнью общества.

Исторический метод в процессе исследования закономерностей функционирования образования как социального института (что и составляет предмет социологии образования) позволяет определить не только поле деятельности для общественного партнерства, но и набор инструментов, посредством которых осуществляется воздействие на процессы его создания. При этом взаимосвязь с другими институтами, ценностные ориентации специалистов, отношение к образованию различных социально-демографических групп, вопросы управления и кадрового обеспечения образовательных учреждений и т. п. являются проблемными точками сферы российского образования на любом историческом этапе, тем более, в период социальной трансформации Российской империи во второй половине XIX — начале XX века.

Начало второй половины XIX столетия в России характеризовалось большими изменениями. С воцарением Александра II общество словно очнулось от долгого сна. Общество конца 50-х — начала 60-х годов, как бы расплачиваясь за свое прежнее равнодушие и даже просто нежелание, чтобы просвещение проникало в низшие слои, было также охвачено порывом нести «светоч знаний» в народные массы. В журналах того времени разворачивается широкая дискуссия о перспективах системы образования. Наиболее сильное впечатление на общество произвели статьи Н.И. Пирогова, сторонника классического образования, выступавшего с новой идеей — «образование из человека — человека»[1], К.Д. Ушинского, сторонника реального образования, Н.А. Вышнеградского, поднимавшего проблемы подготовки учителей, создания народных училищ, их обустройства. Однако основной темой дискуссий стал один вопрос: кому поручить народное образование и кому быть народными учителями? По мнению И.В. Преображенского, автора книги «Духовенство и народное образование», одни считали наиболее пригодными для этой цели приходских священников, другие категорично требовали отстранить духовенство от дела народного просвещения[2]. В прессе все более настойчиво звучали голоса о том, что в церковно-приходских школах не учат, а развращают детей: «...их не развивают, а забивают, их учат верить во все старинные поповские сказки и строго держаться всех суеверий и предрассудков»[3]. В обществе стало проявляться недоверие к школьной деятельности православного духовенства, от которой не ожидали ничего хорошего, и высказывали, по свидетельству С.И. Миропольского, серьезные опасения за судьбу русского народа, если образованием завладеет приходское духовенство[4].

Несмотря на резкость в суждениях, статьи в печати и полемика вокруг них имели огромное значение для выработки концепции образования. Ее подготовкой занималось Министерство народного просвещения во главе с А.С. Норовым (1853–1858), затем работу продолжили его преемники Е.П. Ковалевский (1858–1861) и Е.В. Путятин (1861). С самого начала своего создания концепция носила оппозиционный характер по отношению к традициям николаевского времени. Ни о каком подчинении церковно-приходских, да и вообще любых, школ духовному ведомству, о привилегиях священнослужителям в этом вопросе не могло быть даже речи. Более того, А.С. Норов выступил за сосредоточение всех учебных заведений в одном ведомстве — Министерстве народного просвещения.

В целом, реформа низшей школы по первоначальному замыслу должна была входить в общий план преобразований системы образования. В проекте нового устава значились начальные училища как низшая ступень образования. По «Объяснительной записке Ученого комитета Главного правления училищ к проекту преобразований народных училищ» предполагалось предоставить обществу право заниматься делом начального обучения и открывать училища, а на духовенство возлагалась обязанность безвозмездно обучать детей Закону Божьему и осуществлять духовно-нравственное воспитание. Данный проект станет впоследствии основой для создания окончательного законопроекта. Такой аспект участия церкви в деле образования в свете либерального курса внутренней политики страны был приемлем для общества. Еще в большей степени он удовлетворял государство, поскольку, смирившись с навязанной ему еще петровским правительством ролью помощника в надзоре за насе-

---

1 См.: *Шмидт. Е.* История средних заведений в России. СПб., 1878. С. 436.

2 См.: *Преображенский И.В.* Духовенство и народное образование (По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистов г. Соколовым «Земство и народное образование»). СПб., 1900. С. 16.

3 *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 56.

4 См.: *Ванчаков А.М.* Заметки о начальной церковной школе (В виду проекта закона о всеобщем обучении). СПб., 1908. С. 52.

лением, духовенство возводило гражданские обязанности прихожанина на уровень обязательных норм. Что касается приходских школ, созданных по уставу 1828 года, то их тридцатилетняя деятельность указанным документом признавалась несущественной. Тем самым правительство с полной очевидностью подтвердило свое отношение к церкви как части государственного механизма.

Реальные преобразования системы образования начались после отмены крепостного права. Либеральные реформы 60–70-х годов XIX века коренным образом затронули все жизненные основы России и дали сильный толчок ее культурному развитию. Проблемы просвещения стали пониматься как проблемы самой жизни, ибо от их решения зависел практический успех целого ряда преобразований. Наследием крепостнической эпохи был крайне низкий уровень грамотности народа, поэтому втягивание в рыночные отношения все более широких слоев населения со всей остротой поставило вопрос о начальном образовании. Это вызвало невиданный прежде рост числа сельских и городских школ. Особую активность в этом направлении проявляли земства. Самостоятельно изыскивая средства для своих школ, они стремились к сохранению независимости в учебной деятельности, добивались права на расширение учебных программ и планов, изменение методов обучения, поэтому начиная с 70-х годов XIX века между земствами и правительством началась борьба за народную школу. Последнее стремилось взять в свои руки руководство школьным делом, возлагая при этом расходы на общественные организации. В этих условия церковно-приходская школа не могла реализовать свой образовательный потенциал. Либеральные преобразования внесли в русскую государственность новые ориентиры и образцы. Из объекта политической деятельности общество превратилось в ее субъект. Верховная власть уже не могла опираться на традиционную систему государственных учреждений, среди которых церковь воспринималась в роли помощника самодержавия в надзоре за населением. Поэтому сама идея развития церковно-приходской школы в качестве воспитателя народа вызывала в светских кругах острую полемику.

Министр народного просвещения А.В. Головнин (1862–1866), по воспоминаниям В.А. Бильбасова, сохранившимся в его «Исторических монографиях», исходил из убеждения, что «знание и употребление потребного для того научного материала, или содержание, — цель школы; метода — только средство, не имеющее цены»[1]. Если же учебное заведение не обращает внимания на сущность материала, посредством которого оно развивает, или использует материал ложный, то оно действует разрушительно, нанося обществу непоправимый вред. Поэтому А.В. Головнин для народной школы не разрабатывал новых путей образования, а искал правильный выбор и установление границ учебных предметов, то есть ее целесообразное устройство. Исход поиска варьировался между двумя основными направлениями внутренней политики правительства. С одной стороны, это стремление не только дать духовенству большее участие в заведовании школами, но и даже передать ему под управление все учебные начальные учреждения. Этот взгляд высказывался синодальным обер-прокурором Ахматовым, поддерживался председателем Государственного Совета и Комитета министров Блудовым. С другой стороны, это недоверие к благонадежности земств, городских и сельских обществ и особенно частных лиц, в которых предполагались намерения распространять посредством народных школ вредные для правительства учения. Это подозрение распространялось даже на педагогический состав Министерства народного просвещения и на самого Головнина, в котором консерваторы видели носителя затаенных либеральных взглядов. Отсюда становится понятным появление в среде высшей власти желания поставить народные школы не

[1] *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т.2. СПб., 1901. С. 492.

только под управление синодального ведомства, но, как того настоятельно требовали министр внутренних дел Валуев и шеф корпуса жандармов князь Долгорукий, подчинить их бдительному надзору губернатора и полицейских властей в губернии. Многие члены Государственного Совета заявляли, что не только не следует давать земствам, городским и сельским обществам и частным лицам никакого простора в этом деле, но даже опасно увеличивать круг деятельности Министерства народного просвещения[1].

Впрочем, за построение народной школы все равно принялось все общество: земства, общественные организации, частные лица и, конечно, церковь. В отчете по Московской Епархии святитель Филарет писал: «Настоящее время представляется довольно благоприятным для распространения истинного просвещения в народе через умножение хорошо устроенных училищ сельских»[2]. При этом верховная власть, не имея реальной поддержки со стороны общества, старалась лавировать между различными силами, не отдавая предпочтения ни одной из сторон, стремящихся занять основное место в просвещении народа. Об этом свидетельствует высочайшее повеление, подписанное императором в 1862 году. Им определялось: «1) ныне и впредь учреждаемые духовенством народные училища оставить в заведывании духовенства, с тем чтобы Министерство народного просвещения оказывало содействие преуспеванию оных, по мере возможности; 2) оставить на обязанности Министерства народного просвещения учреждать по всей Империи, по сношении с подлежащими ведомствами, народные училища, которые и должны находиться в веденье министерства»[3]. Однако министерство не могло определить, в чем же должно состоять это содействие, и оно сводилось к эпизодическим взносам разного характера. К примеру, в начале 1860-х годов в Устьбоярской волости Олонецкой губернии была учреждена для крестьян при местном Важинском приходском училище библиотека, в которую были присланы по распоряжению министерства лишь 17 экземпляров различных книг. В результате, многочисленные инспекторские проверки указывали на низкую материальную и как следствие дидактическую базу церковно-приходских школ, но в целом удовлетворительное обучение учащихся. Например, адъюнкт Казанского университета А. Чугунов в своем отчете о ревизии уездных и приходских училищ г. Сарапула Вятской губернии отмечал: «Число учащихся достаточно, хотя... не в той степени, как желательно. Успехи учеников удовлетворительны. ...Пособия: именно таблицы для чтения, по ветхости, почти непригодны к употреблению»[4]. Такое положение дел не удовлетворяло церковь, оставшуюся практически без помощи государства в деле просвещения народа, но это не устраивало и общество, вставшее на сторону светской школы.

Для окончательного решения этого вопроса в 1862 году в Петербурге был создан особый комитет по составлению плана первоначальных училищ разных ведомств. В ходе его заседаний рассматривались различные варианты решения этого вопроса. В письме святителя Московского Филарета к наместнику Лавры Антонию отмечено, что член комитета князь Урусов отстаивал мнение о приоритете духовенства в этом плане. Однако вмешательство А.В. Головнина привело к тому, что сельские училища остались светскими, им было назначено пособие в размере миллиона рублей. Духовенству, по словам Филарета, была оказана «одна милость: не запрещено священникам сохранить свои училища, без всякой им помощи»[5]. Подобное столкновение интересов

---

1 *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т.2. СПб., 1901. С. 493–494.
2 *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 37.
3 Там же. С. 53.
4 РГАЛИ. Н. ф. Вяземские И.А., А.И., П.А., П.П. Отчет адъюнкта Казанского университета А. Чугунова П.П. Вяземскому о ревизии уездных и приходских училищ г. Сарапула, Елабуги и Мамадыша Вятской губернии. 1860.
5 *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 43.

светской и духовной властей демонстрировало, что, несмотря на тесную связь церкви и государства, их полного слияния не произошло. Православные иерархи тяготились контролем светского чиновничества, поэтому трения между Синодом и гражданскими властями различного уровня никогда не прекращались.

За время руководства министерством А.В. Головнина были сделаны две попытки передать духовному ведомству все народные школы. Министр народного просвещения граф Е.В. Путятин, незадолго до своего увольнения в 1861 году, внес совместно с обер-прокурором А.П. Толстым в Государственный Совет представление. В нем, приводя слова из Евангелия «шедши убо научите вся языцы», они требовали передачи дела обучения народа духовенству, которое, по словам Путятина, никогда «не являлось на стороне противников правды, добра и государственного порядка»[1]. Однако ввиду отставки последнего проект не рассматривался и был передан Головнину, который оставил его без ответа. Вторая попытка будет сделана государственным секретарем В.П. Бутковым, который внес в Государственный Совет записку, составленную им на основании мыслей, выраженных ему председателем Государственного Совета Блудовым перед смертью для представления царю. В ней отмечалось, что для блага России, для противодействия вредным замыслам людей, враждебных правительству, следует передать все управление народными школами особому Высшему Совету. Его председателем предполагался петербургский митрополит, а членами — несколько архиереев, министр народного просвещения, синодальный обер-прокурор, министр внутренних дел, шеф жандармов и несколько лиц, известных своим благочестием, по особому избранию Государственного Совета. Записка эта рассматривалась на общем собрании Государственного Совета и вызвала большие споры. И только благодаря веским доводам Головнина, она не была одобрена большинством членов. С мнением большинства согласился и Александр II.

23 марта 1863 года были утверждены «временные правила» для северо-западного края, устанавливавшие новый порядок в устройстве народного образования. В каждой губернии этого края были учреждены дирекции народных училищ, состоящих под управлением училищных советов. Членами совета стали инспекторы народных училищ. В 1864 году вышло «Положение о начальных народных училищах», которое окончательно поставило точку в соперничестве светской и церковной школ. При его обсуждении в Государственном Совете один из членов совета, Е.П. Ковалевский, отмечая длительное невнимание государства к народной школе, представил систему просвещения в виде храма, у которого позолоченная крыша, «довольно красивые стены, но зыбкий фундамент»[2]. Укреплению «фундамента» просвещения должны были содействовать решения «Положения», согласно которым все церковно-приходские школы духовного ведомства, открываемые православным духовенством в городах, посадах и селах, с пособием или без пособия от казны, местных обществ и частных лиц, становились подчиненными светским училищным советам. Министерству просвещения предоставлялась полная руководящая роль в народном образовании и вменялось в обязанность учреждать школы по всей Империи. Помимо него народные училища могли учреждаться земством, городскими и сельскими обществами, частными лицами, а также различными государственными ведомствами. Указанные предписания «Положения» стали поворотным пунктом в распространении начального образования по всей России. Вновь созданные земства через училищные советы начали активно заниматься не только хозяйственной, как было

[1] Народное образование. Ст. г. Булашева. 1896. Июль. С. 21.
[2] *Рождественский С.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 449–450.

предписано законом, но и всеми остальными сторонами школьной жизни. В реальности именно земства, а не Министерство народного просвещения встали во главе школьного дела в провинции.

Перед земскими средствами и влиянием светской администрации ничем не обеспеченная и оставленная в немилости церковная школа выстоять не могла. Церковноприходские школы стали постепенно приходить в упадок, исчезать, а многие просто передавались в полное ведомство земств. По сведениям из отчета синодального обер-прокурора, в 1864 году церковных школ насчитывалось 22 305 с 427 165 учащимися; в 1883 году церковных школ — всего 4547 с 105 150 учащимися[1]. Многие из этих школ влачили жалкое существование.

Происходившие в стране события: крестьянские и студенческие волнения, возникновение революционных кружков, польское восстание и, наконец, покушение Д.В. Каракозова на Александра II — не могли не отразиться на усилении полицейско-охранительной функции государства и политике правительства, проводимой в области образования. 14 апреля 1866 года министром народного просвещения был назначен обер-прокурор Синода Д.А. Толстой (1866–1881). По его мнению, уважение к закону, которое подразумевало преданность правительству, должно было воспитываться в школе. 15 мая 1866 года вышел высочайший рескрипт на имя председателя Комитета министров, который провозглашал требования о том, «...чтобы воспитание юношества было направлено в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения начал общественного порядка, чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо... проповедование тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и морального благосостояния народа...»[2]. Однако увязать падение авторитета власти, рост политических преступлений в ряду иных важных фактов с уменьшением роли церкви в начальном образовании народа, не получавшего теперь в детстве твердых основ христианской веры, в тот момент никто не смог. Более того, высочайшим повелением 11 февраля 1867 года Министерству просвещения были переданы все школы Министерства государственных имуществ в Европейской России — школы, развившиеся под непосредственным заведованием приходского духовенства. Тем самым тенденция светской власти к устранению духовенства от начального образования усиливалась.

Церковные патриархи пытались изменить сложившуюся ситуацию, однако государство уже сделало свой выбор. В ответ на речь святителя Московского Филарета, обращенную к императору Александру Николаевичу об «охранении и на грядущие века православной веры, охраняющей Россию» и государственном значении церковно-приходских школ, царь 25 декабря 1873 года в рескрипте на имя министра народного просвещения высказал: «Дело народного образования в духе религии и нравственности есть дело столь великое и священное, что поддерживанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должны служить не одно только духовенство, но и все просвещеннейшие люди страны»[3]. Министерство народного просвещения восприняло данное заявление как одобрение мероприятий, направленных на всемерное распространение светских учебных заведений. 25 мая 1874 года было издано новое «Положение о начальных народных училищах». По нему, с одной стороны, все начальные народные училища, кроме духовных, сосредоточивались в Министерстве народного просвещения, с другой стороны, были усилены гонения на домашние школы дьячков и пономарей, которые по своему духу и методу были церковными.

---

[1] См.: *Ванчаков А.М.* Заметки о начальной церковной школе (В виду проекта закона о всеобщем обучении). СПб., 1908.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Т. CXXX. С. 104–105.

[3] *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 49.

Против участия духовенства в деле просвещения народа особенно бурно выступали представители земств. В Московской губернии они стремились отстранить духовных лиц даже от законоучительства. В 1875 году губернский предводитель московского дворянства высказывал мнение, что «священники-де в большинстве случаев посредством долбни преподают своим питомцам не веру, а что-то другое»[1]. Впрочем, и со стороны светской прессы неустанно звучали мнения, что работа духовенства по отношению к народному образованию ограничивалась составлением отчетов о несуществующих школах, которые, подобно потемкинским деревням, существовали только на бумаге[2].

Церковь прекрасно понимала всю опасность сложившегося положения. Митрополит Филарет еще в 60-х годах XIX века отмечал, что новые «вожаки знали хорошо, что крестьяне взрослые вековым научением и воспитанием в лоне Церкви настроены не в пользу их и их идей. Тогда они взялись за молодое поколение крестьянства, за его перевоспитание в духе своих идей, за народную школу»[3]. Все нападки в свой адрес духовная власть объясняла опасениями со стороны общества, что церковь могла обрести влияние на народную жизнь путем обучения грамоте крестьянских детей в церковно-приходской школе. Однако государство восприняло тревогу православных иерархов лишь в свете роста радикальных течений в обществе к концу 70-х годов. Исторические события 80-х годов будут усиливать данную тенденцию и склонять правительство к увеличению роли церкви в просвещении народа.

1 марта 1881 года был убит Александр II. Новый император, Александр III, заметно усилил самодержавно-охранительную политику. В первую очередь это касалось такой сферы, как просвещение. На заседании Комитета министров 17 марта 1881 года (при обер-прокуроре Св. Синода К.П. Победоносцеве) бывший министр финансов Ю.А. Абаза заявил, что преследуемая правительством цель — доставить народной школе религиозно-нравственное основание — столь верна, что «министр финансов, даже при самом неблагоприятном состоянии государственного казначейства, счел бы себя обязанным изыскать потребные на то денежные средства»[4]. Министр народного просвещения И.Д. Делянов (1882–1898) разразился серией указов: о закрытии приема в приготовительное отделение гимназий, о «кухаркиных детях», о процентной норме евреев, ограничивающей их прием в среднюю школу.

Общество пыталось противодействовать новым идеям в образовательной политике. В печати стали появляться довольно резкие высказывания, подобные статье барона Н.А. Корфа в газете «Земство» за 1882 год «Быть или не быть Закону Божьему в народной школе?»; в «Московских ведомостях» прозвучали заявления радикальных сил о том, что лучшее средство пропаганды — это руководство школой, «взять школу — значит упрочить господство нашей идеи над обществом»[5]. В сложившихся условиях Св. Синод стал настоятельно подчеркивать, что просвещение народа в нераздельной связи с церковью приобретает важное значение ввиду брожения умов, вызванного распространением отрешенного от религии образования[6]. В результате, Комитет министров пришел к решению, что духовно-нрав-

---

1 Церковно-общественный вестник. 1875. № 43. С. 51.

2 См.: *Преображенский И.В.* Духовенство и народное образование (По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистов г. Соколовым «Земство и народное образование»). СПб., 1900. С. 51.

3 *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 46.

4 *Ванчаков А.М.* Заметки о начальной церковной школе (В виду проекта закона о всеобщем обучении). СПб., 1908. С. 56.

5 *Писарев И.* Беседы о влиянии западной педагогики //Московские ведомости. 1884. № 347.

6 См.: Отношение обер-прокурора Св. Синода епархиальным преосвященным по случаю рассылки Епархиальным училищным советам «Записки об образцовых школах при духовных семинариях» //Церковные ведомости. 1884. № 50–51. С. 3.

ственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя России, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами[1].

В это же время была открыта особая Комиссия при Св. Синоде под председательством архиепископа Варшавского Леонтия. Ею был разработан проект положения о церковно-приходских школах. Кроме суждений о значении данных школ в нем были указаны мероприятия, направленные на обеспечение надлежащего влияния духовенства на народные школы светского ведомства, и частные мероприятия в пользу просвещения народа в духе церковности. Кроме того, церковно-приходские школы должны были стать самостоятельными учреждениями, тесно связанными с церковью. С ними планировалось связать мелкие крестьянские школы грамотности, привлечь к участию и заботе о данных учреждениях местные церковные попечительства и отдельных лиц, способствовать поощрению лиц, помогающих церковно-приходским школам[2]. Указанные положения легли в основу будущего законопроекта, который определил церковно-приходской школе ведущее место в системе народного просвещения России. Таким образом, убедившись в бессилии самостоятельно помешать проникновению новых идей в образовательную сферу и стремлении антиправительственных сил завладеть школой, правительство выдвинуло на эту борьбу новую силу — ведомство православного исповедания.

В начале XX века Россия вступила в полосу острых кризисных явлений в сфере экономики, политики, социальных и национальных отношений. Правление Александра III, прошедшее под знаком контрреформ и политической реакции, оставило в наследство неспособность верховной власти гибко реагировать на изменения в обществе. Стремительное социально-экономическое развитие России вступало во все большее противоречие с застывшим политическим режимом, готовя тем самым почву для массового оппозиционного движения. Однако Николай II, воспитанный в убеждении о божественном происхождении верховной власти, считал, что самодержавное правление — «лучший способ обуздать стихию саморазрушения»[3]. В результате верховная власть оставалась выразительницей консервативных политических воззрений. В указанных условиях развитие образования в России осуществлялось по двум линиям: общественной и правительственной. Если прогрессивные педагогические деятели постепенно и настойчиво проводили обновление сферы просвещения, развивали оригинальные методические идеи и создавали новые школы, то верховная власть, главным образом, стремилась контролировать деятельность учебных заведений, ограничивать их инициативу и самостоятельность. Тем самым позиция правительства, не без основания расценивающего просвещение как источник распространения радикальных взглядов, оставалась неизменной. Указанным фактом объяснялось стремление власти ограничить влияние земств на народное образование, так как прогрессивный характер земских школ не вызывал сомнения. Однако осуществить эти намерения не удалось. Среди населения земские школы всегда пользовались большей популярностью, чем другие начальные школы, в том числе и церковно-приходские, чье назначение в системе начального образования в начале XX века заметно снижается. После 1903 года, когда количественные показатели развития церковно-приходских школ достигли своего пика (44 421), их рост как бы останавливается и постепенно начинает идти на убыль. Сравнительное значение их в общей организации дела народного образования определяется следую-

[1] См.: *Корсунский И.* Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 58.
[2] См.: Отчет обер-прокурора Св. Синода за 1884 г. СПб., 1886. С. 22-23.
[3] Политическая история. Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 394.

щими цифрами: на 1905 год их было 42 696, что соответствовало 46,5%[1]. Духовное ведомство объясняло этот факт тем, что с 1904 года в условиях русско-японской войны, когда основные денежные ассигнования шли, главным образом, на поддержание церковно-приходских школ, школы грамоты стали закрываться в таком значительном количестве, что их убыль отразилась на понижении общего числа церковных школ. Однако проблема была намного глубже, и ее сущность лежала в спектре внутриполитических проблем российского государства первого десятилетия XX века.

Русская православная церковь, жившая представлениями прошлых веков, зависимая от государства, в начале XX века, вступив в состояние кризиса, начинала терять контроль над обществом. В отличие от крестьян с их патриархальной набожностью, рабочие все более равнодушно относились к религии и тем ценностям, которые проповедовались духовной властью. Как следствие — церковно-приходская школа, несмотря на свою массовость, стала уступать свои позиции в области народного просвещения. С другой стороны, к 1905 году страна подошла с грузом насущных проблем в области народного образования. К этому времени события, происходившие в стране: русско-японская война, нарастание революционных настроений, требования политических перемен и т. д. — отодвинули вопрос о его реформировании на второй план. Однако бурная и резкая критика существующей системы просвещения формировала у учащихся неуверенность в продуктивности школы, а значит, и в необходимости ее посещения. Школьные волнения, начавшиеся зимой 1905 года, влились в общий революционный поток, который захлестнул страну. Обозреватель экспозиции церковно-приходских школ на выставке Приамурского края П. Кудрявцев подчеркивал, что на Дальнем Востоке вследствие забастовок и политических волнений 1905–1906 годов посещаемость детьми церковно-приходских школ упала на 8% в сравнении с 1904 годом[2]. При этом прямых данных об участии в указанных событиях учащихся церковно-приходских школ не выявлено. Однако на приостановку деятельности в революционный период определенного числа этих учебных заведений указывают следующие факты: по итогам 1905/1906 учебного года из 640 двухклассных церковно-приходских школ выпуск учащихся не состоялся в 40 учебных заведениях на Кавказе и в 8 — в Сибири[3], а общее количество церковно-приходских школ по сравнению с 1903 годом к 1907 году снизилось на 4000[4].

В указанный выше период вновь была поднята проблема объединения начального образования в рамках одного ведомства. В периодической печати все настойчивее стали звучать требования его всеобщности. При этом необходимость передачи всех начальных школ в ведомство Министерства народного просвещения, судя по статье от 4 июня 1905 года в «Московских ведомостях», обосновывалась разрешением свободы вероисповедания и тем фактом, что во многих деревнях имелись только церковно-приходские школы, в которые принимались лишь православные, дети же, исповедующие другие религии, оставались без образования[5]. С этими не вполне обоснованными требованиями, по словам

---

[1] См.: Церковные школы Российской империи: Статистические сведения. Разработаны в статистическом отделении при Синодальном училищном совете. СПб., 1903–1911.

[2] См.: *Кудрявцев П.* Церковно-приходские школы Дальнего Востока на Выставке Приамурского Края 1913 г. в г. Хабаровске в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. СПб., 1913. С. 10.

[3] См.: *Ванчаков А.М.* Заметки о начальной церковной школе (В виду проекта закона о всеобщем обучении). СПб., 1908. С. 11.

[4] См.: *Ванчаков А.М.* Краткий историко-статистический обзор развития церковно-приходской школы с 1884 г. до настоящего времени. СПб., 1909. С. 11.

[5] См.: б. н.// Московские ведомости. 4 июня 1905. С. 16.

А.П. Миленковой, автора работы «Законопроект о всеобщем начальном обучении в России и земство», под влиянием революции 1905 года «согласился даже царизм»[1]. Однако следует отметить, что рассмотрение правительством вопроса о необходимости реформирования школьной системы, в первую очередь начального образования, имело под собой иные мотивы. Усмирение революционных выступлений силой и проведение определенных буржуазных реформ стали двумя направлениями внутриполитического курса России по выводу страны из смуты. Формула «сильная власть и либеральные реформы» стала путеводной нитью возглавившего правительство 8 июля 1906 года П.А. Столыпина, поставившего перед собой цель укрепить устои государства и выбить почву из-под ног революции возрождением крепкого крестьянина-собственника[2]. Чтобы закрепить новое положение, правительство стремилось создать условия для повышения его роли в местном самоуправлении. Для этого нужно было обеспечить определенный образовательный ценз. Однако земствам нужна была не просто школа с высоким уровнем обучения, а та, которая бы еще и обеспечивала им влияние на народные массы. В условиях поиска компромисса с обществом законопроект школьной реформы П.А. Столыпина предусматривал, что «обязанность открытия достаточного числа училищ, соответственно числу детей школьного возраста, лежит на земствах и городах»[3]. Обсуждение этого законопроекта на заседаниях Государственной Думы второго созыва привело к возникновению решений, в которых указывалось, что главная роль в развитии начального народного образования на местах принадлежит земству и городским органам самоуправления[4], а не духовному ведомству. Тем самым правительство вплотную подошло к решению о необходимости реформирования начальной школы.

Эти явно неблагоприятные для церковно-школьного дела тенденции в области образовательной политики государства стали вызывать серьезное беспокойство Св. Синода. Тем более, что казенные ассигнования на церковно-приходские школы, уменьшенные на 250 000 рублей в условиях русско-японской войны, в прежних рамках восстановлены не были. Поступление местных средств в силу ухудшения материального положения населения и нестабильного внутреннего положения России снизилось с 7 515 835 рублей в 1903 году до 6 667 897 рублей в 1907 году[5]. Это сразу отразилось на количественных показателях церковно-приходских школ. По статистическим сведениям, на 1908 год функционировало 2502 церковно-приходские школы, открытые до 1884 года, 9930 — открытых в период 1884–1894 годов, 9884 — открытые после 1894 года, 1221 — существующая с 1904 года[6]. В целом, к 1908 году общее количество церковно-приходских школ уменьшилось до 26 097. В то же время выделение 5 млн рублей начальным училища Министерства народного просвещения в 1907 году, при неизменности объемов денежных кредитов, направляемых в церковно-приходские школы, стало причиной перехода определенного количества учителей церковно-приходских школ в министерские школы. В 1908 году количество квалифицированных учителей в школах духовного ведомства уменьшилось по сравнению с 1907 го-

---

1 *Миленкова А.П.* Законопроект о всеобщем начальном обучении в России и земство. Горький, 1986. С. 52.

2 См.: *Черкасов П., Чернышевский Д.* История императорской России от Петра Великого до Николая II. М., 1994. С. 81.

3 РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2168. Л. 42. Законопроект школьной реформы. 1907.

4 См.: *Миленкова А.П.* Законопроект о всеобщем начальном обучении в России и земство. Горький, 1986. С. 55.

5 См.: *Ванчаков А.М.* Краткий историко-статистический обзор развития церковно-приходской школы с 1884 г. до настоящего времени. СПб., 1909. С. 10.

6 Там же. С. 12.

дом на 4,2%[1]. Несмотря на незначительность указанных выше численных показателей, они свидетельствуют о наметившейся тенденции снижения роли церковно-приходской школы в системе начального народного образования.

Государственная Дума третьего созыва (1907–1912) была призвана решить окончательно вопрос о характере и принадлежности начального образования в России и решить судьбу церковно-приходской школы. Ее депутаты, по словам А. Трошина, автора очерка «Отношение к церковным школам Государственной Думы третьего созыва», предполагали, что ее назовут «Думой народного просвещения», поскольку в ходе ее деятельности было рассмотрено много вопросов народного образования, а процесс всеобщего начального просвещения «был поставлен на рельсы и пущен в ход»[2]. Центральными темами заседаний, посвященных проблемам просвещения, стали два законопроекта: проект о начальном образовании и проект финансового закона о введении всеобщего обучения, принятие которых должно было кардинальным образом перестроить систему школьного просвещения и дать начальным школам определенное направление. По отношению к указанным документам в III Государственной Думе, по словам А.П. Миленковой, сложилось несколько партийных групп депутатов, отстаивающих свою точку зрения на начальное образование[3]. Социал-демократы и трудовики критиковали антидемократический характер проектов, а кадеты и прогрессисты их поддерживали. Большевики считали, что законопроекты не обеспечивают действительной всеобщности обучения, а имеют целью обеспечить воспитание подрастающего поколения в духе православия и самодержавия. Октябристы утверждали, что руководство начальной школой должно осуществлять Министерство народного просвещения. В противовес им правые заявляли, что снижением авторитета церкви «мы (Дума) служим делу революции»[4]. Общее количество страниц печатных стенографических отчетов, посвященных прениям по 103 статьям законопроекта «Положения о начальных училищах», составило 1863. При этом из них обсуждению 6 статей, касающихся церковно-школьного дела, было посвящено 509 страниц, то есть почти одна треть[5]. Тем самым признавалось, что вопрос о церковно-приходских школах достиг особой остроты.

Согласно XIV отделу проекта «Положения о начальных училищах» в ведомство Министерства народного просвещения подлежали передаче церковно-приходские школы Св. Синода, «которые были включены в школьную сеть...»[6]. Это положение стало основным принципом всех предлагаемых изменений в системе церковно-приходских школ, поэтому, как бы ни уверяли авторы проекта, что на ее автономность и самобытность никто не посягает, было понятно, что законопроект подвергал ломке всю структуру церковно-школьного дела и стремился узаконить в России лишь светский тип народной школы. О. Машкевич, представитель крайне правых, выступая с жесткой критикой в адрес законопроекта, требовал: «Покажите мне хотя бы один пункт, одно положение, из которого бы видно было, что Церковь остается руково-

---

1 См.: *Ванчаков А.М.* Краткий историко-статистический обзор развития церковно-приходской школы с 1884 г. до настоящего времени. СПб., 1909. С. 13.

2 *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 1.

3 См.: *Миленкова А.П.* Законопроект о всеобщем начальном обучении в России и земство. Горький, 1986. С. 56.

4 Государственная Дума третьего созыва: Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. I. СПб, 1908. С. 43.

5 См.: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 2.

6 Цит. по: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 18.

дительницей своей школы, что те пути, коими в настоящее время руководит Церковь, остаются в силе...»[1] Националисты, в лице епископа Евлогия, заявляли, что самостоятельное заведование церковными школами является бесспорным правом церкви и лишение ее этого права представляется посягательством на исторически сложившиеся взаимоотношения между церковью и государством[2]. Опровергая эти заявления, Ковалевский, глава совещания при Думской комиссии по народному образованию, в недрах которого и родились новые законопроекты, отмечал, что введение в сеть всеобщего обучения церковных школ всецело зависит от доброй воли Святого Синода и его отказ лишит церковно-школьное дело лишь дополнительной субсидии по законам 1909 и 1910 годов[3]. В результате церковной школе не предоставлялось никакого финансового выхода: оставалось либо подчиниться и получать казенные пособия, либо сохранить свою независимость и лишиться государственных пособий. Кадетская партия, в лице депутата П.Н. Милюкова, была более резка в оценках. Все выступления с целью сохранения независимости церковно-приходской школы расценивались им как требования автономии от государства против государства, поэтому он подчеркивал, что «попытка укрепить на основном законе отдельность клерикальной школы — безуспешна»[4]. Левые, видя в законопроекте средство борьбы с церковной школой, приветствовали ее передачу в ведомство Министерства народного просвещения, а значит, введение в сферу действия органов местного самоуправления. По откровенному замечанию депутата Белоусова, «как бы докладчики ни расшаркивались пред рясоносцами, но общий вывод из законопроекта должен быть такой: с принятием ея попы... заведующие церковно-школьным обучением, так или иначе, становятся в зависимость от училищных советов»[5]. Такое единение мнений либералов и левых позволило заложить в основу доклада комиссии по народному образованию в Государственной Думе вполне справедливое утверждение, что, раз церковно-приходская школа субсидируется государством на одинаковых основаниях с земскими и городскими школами, «отношение ея к государству не должно разниться...»[6]

Сторонники сохранения автономности системы церковно-приходских школ активно сопротивлялись принятию новых законопроектов. Их аргументы в защиту права духовного ведомства управлять своим детищем были встречены с пониманием даже некоторыми представителями октябристской партии — инициаторов создания законопроектов. Так, барон фон Мейендорф отметил нецелесообразность урегулирования проблем церковных школ государственными законами в государственных неконфессиональных учреждениях, поскольку это «с точки зрения политической в высшей степени нежелательно, ибо в глазах православной Церкви и в глазах ея сынов авторитет неконфессионального учреждения в вопросах церковных будет стоять под большим вопросом»[7]. Церковная оппозиция — епископы Холмский, Митрофан (правый) и Гомельский, о. Евлогий (на-

---

1 Государственная Дума третьего созыва: Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. I. СПб., 1908. С. 708.

2 См.: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 11.

3 См.: Государственная Дума третьего созыва: Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. I. СПб., 1908 г. С. 2158–2159.

4 Там же. С. 99, 101.

5 Там же. С. 2139.

6 Доклад комиссии по народному образованию № 322. С. 141. Цит. по: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 14.

7 *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 12.

ционалист), — организовав рассмотрение XIV раздела законопроекта о начальных училищах в комиссии по делам православной Церкви, подготовила доклад, содержавший свою оценку предлагаемых изменений системы церковно-приходских школ. Он содержал заявление о том, что в силу действующего в России государственного строя православная церковь находится под особой защитой монарха как хранителя догматов веры и блюстителя правоверия, поэтому «управление церковное, находясь в непосредственном ведении Монарха, составляет в ряду государственных учреждений особое самостоятельное ведомство»[1]. Председатель церковной комиссии Н.Н. Львов, в лице которого церковная оппозиция обрела защитника идеи самостоятельности церковно-приходской школы как непременной принадлежности церковного прихода, свою позицию обосновывал тем, что вопрос об их устройстве лежит в области религиозного законодательства, поэтому его решение должно относиться к законам церковно-государственного характера, поскольку он затрагивает в равной степени интересы церкви и государства[2].

Позиция сторонников церковно-школьных деятелей, заявивших, что «в спорах о будущей организации школы решается вопрос о влиянии на народ тех или иных общественных кругов»[3], не могла не встретить понимания у царского правительства. Тем более, высказывания в Государственной Думе о том, что сам «закон о церковной школе 1884 года воспитан был не крепким народным духом, а измышлением Петербургской бюрократии, являлся в годы реакции как кость от кости, плоть от плоти этой реакции»[4], были уже прямой критикой в его адрес. Кроме того, идеологически опираясь на религию, самодержавная власть опасалась утратить контроль над политическим направлением школы в случае передачи церковно-приходского дела уездным советам, где наряду с чиновниками Министерства народного просвещения значительную роль должны были играть представители земств. Государственный Совет при обсуждении финансового закона о всеобщем обучении постоянно подчеркивал необходимость сохранения обособления церковно-приходских школ, а Николай II в дни юбилейного празднования их 25-летия открыто продемонстрировал свое благосклонное отношение к церковно-школьному делу. В его именном высочайшем указе от 13 июня 1909 года подчеркивалось, что церковные школы, распространяя вместе с первоначальными знаниями и правилами веры любовь к престолу и отечеству, сумели «широко и благополучно развить свою просветительную деятельность»[5]. В результате вопрос о принадлежности церковно-приходской школы остался открытым. В 1909 году Министерством народного просвещения в Государственную Думу был внесен новый проект[6], в котором содержался уже отказ от идеи единства начальной школы, а церковно-приходские школы сохранялись в ведомстве Святого Синода.

Тем не менее деятельность III Государственной Думы наносила серьезный ущерб развитию церковно-приходских школ, поскольку она не только определяла школьную политику государства, но и распоряжалась денежными средствами. Начало ее законодательной деятельности в области народного образования в 1908 году сразу отразилось на финансировании раз-

---

1 *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 14.
2 Там же. С. 14.
3 Государственная Дума третьего созыва: Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. I. СПб., 1908. С. 71.
4 За четверть века. 1884–1909. К истории церковно-приходских школ Московской епархии. М., 1910. С. 45.
5 XXV — юбилейный праздник церковно-приходских школ киевской епархии. Киев, 1910.
6 См.: *Миленкова А.П.* Законопроект о всеобщем начальном обучении в России и земство. Горький, 1986. С. 62.

личных типов школ. Таблица 1, показывающая размеры ассигнований на церковные и министерские школы за период деятельности Думы третьего созыва (1907–1912), наглядно демонстрирует, учебным заведениям какого ведомства отдан приоритет.

Судя по представленным данным, за пятилетний период казенные ассигнования на школы Министерства народного просвещения увеличились на 38 122 рубля (393,7%), на школы духовного ведомства — 7514 рублей (79,6%). Таким образом, государственные кредиты на церковно-приходские школы были в пять раз меньше по сравнению с ассигнованиями на министерские начальные школы.

Соотношение денежных поступлений в адрес начального образования позволило епископу Евлогию с полной очевидностью упрекнуть Государственную Думу: «Наша церковная школа начинает хиреть в своей нищете и убожестве, в то время как на ея соседку, школу министерскую, земскую, обильно продолжает изливаться золотой дождь»[1]. Результаты школьной переписи 1911 года, представленные в таблице 2, подтверждают его мнение, демонстрируя явное снижение доли церковно-приходской школы в системе начального образования.

Представленные данные свидетельствуют о том, что количество церковных школ в сравнении с предыдущим годом уменьшилось на 4774, тогда как число светских начальных школ увеличилось на 12 568. Доля начальных учебных заведений Министерства народного просвещения в отчетном году составила 59,5%, Св. Синода — 38%. Для сравнения, в 1905 году это соотношение составляло: 52% — министерские школы, 46,5% — церковные школы[2].

Объяснить изменение приоритетов государственного ассигнования в адрес светских

Таблица 1[3]

**Государственные ассигнования на школы ведомств Св. Синода и Министерства народного просвещения в 1907–1912 годах**

| Год | Ведомство | Государственные ассигнования (в тыс. рублей) | Прибавка сравнительно с предшествующим годом (в тыс. рублей) |
|---|---|---|---|
| 1907 | Министерство народного просвещения | 9681 | — |
| | Духовное ведомство | 9433 | — |
| 1908 | Министерство народного просвещения | 15 920 | + 6239 |
| | Духовное ведомство | 9533 | + 100 |
| 1909 | Министерство народного просвещения | 22 231 | + 6311 |
| | Духовное ведомство | 10 683 | + 1150 |
| 1910 | Министерство народного просвещения | 29 364 | + 7133 |
| | Духовное ведомство | 12 516 | + 1803 |
| 1911 | Министерство народного просвещения | 39 650 | + 10 285 |
| | Духовное ведомство | 15 151 | + 2635 |
| 1912 | Министерство народного просвещения | 47 803 | + 8153 |
| | Духовное ведомство | 16 947 | + 1796 |

[1] Государственная Дума третьего созыва: Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. I. СПб., 1908. С. 117.

[2] См.: *Латышина Д.И.* История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века). М., 1998. С. 317.

[3] Таблица составлена на основании данных, помещенных в «Обзоре деятельности Государственной Думы третьего созыва» и представлена в главе «О финансовой политике третьей Государственной Думы в отношении к церковным школам». *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. Гл. III. С. 37.

Таблица 2[1]

**Количественные показатели развития начальных школ России в 1911 году (в сравнении с 1910 годом)**

| | Школ | | Учащихся | | Процентное отношение | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | | школ | | учащихся | |
| | число | более или менее | число | более или менее | число | более или менее | число | более или менее |
| Всего в 1911 году | 100 295 | | 6 180 510 | | | | | |
| Министерство народного просвещения | 59 682 | + 11 394 | 4 186 078 | + 525 450 | 59,5% | + 7,5 | 68% | + 5% |
| В ведении Священного Синода | 37 922 | – 4774 | 1 793 429 | – 190 388 | 38% | – 8,5 | 29% | – 6,5 |
| Других ведомств | 2691 | + 1174 | 201 003 | + 107 159 | 2,5% | + 1 | 3% | + 1,5 |

начальных школ можно было бы большим увеличением числа школ в ведомстве Министерства народного просвещения. Однако, по отчету его главы, в 1907 году количество министерских школ составило 47 838, а в начале 1911 года — 61 658[2]. Если сопоставить эти данные с показателями таблицы 2, то получится, что за время работы III Государственной Думы численность начальных школ Министерства народного просвещения увеличилась на 28,8%, в то время как ассигнования в их адрес возросли на 393,7%. Тем самым становится ясно, что изменение внутренней политики в области начального обучения характеризовалось не только стремлением укрепить школу светского типа, обеспечить ее стабильное развитие, но и желанием остановить рост школ духовного ведомства.

Одним из аспектов новой школьной политики по отношению к церковно-приходским школам стала задержка ее финансирования казенными средствами. К примеру, 12 сентября 1908 года обер-прокурором Св. Синода было внесено в Государственную Думу представление № 6697 об ассигновании на жалованье учителям церковных средств в размере 1 млн рублей. Рассмотрение данного документа завершилось лишь к 19 июня 1909 года, когда после бурных дебатов в Государственной Думе прошение было удовлетворено. Тем самым решение о выделении денег на жалованье учителям было задержано на 9 месяцев.

Еще одним средством борьбы с церковно-приходскими школами стала процедура их введения в сеть всеобщего обучения, составление которой находилось всецело в распоряжении уездных земских управ, поэтому при включении церковно-приходских школ в школьную сеть приоритет находился на стороне светских начальных учреждений. Причинами, позволяющими не принимать церковно-приходскую школу в сеть, являлись, к примеру, те, что она находилась в радиусе менее трех верст от земской школы или у нее отсутствовало собственное школьное здание, хотя она пользовалась строением, бесплатно выделенным общиной. В результате, большая часть школ духовного ведомства оказывалась вне школьной сети.

[1] Таблица составлена по материалам, представленным в книге: *Чехов Н.В.* Народное образование с 60-х годов XIX века. М., 1912.

[2] См.: Доклад № 47 Бюджетной Комиссии Государственной Думы: Приложение к стенографическим отчетам государственной Думы третьего созыва. Сессия IV. 1910–1911. Т. II. С. 47. Цит. по: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 38.

Серьезный удар по церковно-приходским школам был сделан общеземским Московским съездом, состоявшимся в 1912 году. В ходе его работы представители земств заявили, что к ним постоянно обращаются сельские общества, которые в силу огромных финансовых затруднений церковно-приходских школ тяготятся их хозяйственными расходами. Предполагалось освободить местное население от этих расходов, даже ценой замены школ духовного ведомства земскими начальными заведениями[1]. В резолюцию съезда были включены положения о том, что освобождение сельских общин от содержания церковно-приходских школ признается необходимым, в том числе и в случае согласия земств открыть у себя новые школы[2]. В результате активных разъяснений указанных решений церковно-школьное дело во многих местах лишилось поддержки и местными средствами. Это, в свою очередь, повлекло за собой новые рассуждения в Государственной Думе о том, что духовное ведомство, получая казенные средства, не обеспечивает выполнение требуемых условий, а отсутствие обеспечения церковно-приходских школ на местах не дает им больше права на самостоятельное существование[3]. В результате, в 1912 году была вновь поставлена задача объединения всех начальных школ в рамках Министерства народного просвещения. Но она могла быть выполнена лишь в русле общих реформ, которые так и не были проведены. В ходе обсуждения в Государственном Совете финансового закона о всеобщем обучении Н.С. Гербель, начальник управления по делам местного хозяйства, обратил внимание на то, что в силу увеличения количества светских школ земства скоро «...окажутся не в состоянии выполнить то, что они обязаны, и тогда придется обращаться к Государственному Казначейству с просьбой о выдаче ссуд на ведение того же народного образования»[4]. Тем более, было уж совсем непонятно, за счет каких ресурсов будут осуществляться хозяйственные расходы церковно-приходских школ, если их изымут из ведомства Св. Синода, которое даже в чрезвычайно неблагоприятных условиях развития церковно-школьного дела в 1907–1912 годах сумело не только сохранить свои школы, но и по возможности сгладить нанесенный урон новым направлением школьной политики.

Общее число учащихся, поступивших в церковно-приходские школы за период 1907–1911 годов, составило 60 838. При этом их количество в двухклассных и одноклассных церковно-приходских школах возросло на 404 565. Однако это увеличение не обеспечивалось простым преобразованием школ грамоты в одноклассные церковно-приходские школы и соответствующим переводом учеников из одного учебного заведения в другое. В этом случае количество мальчиков и девочек, общим числом 34 727, насколько возросло бы в одноклассных, настолько уменьшилось в школах грамоты. Однако это проявлялось лишь в числе девочек: их количество в сравнении с уменьшением в школах грамоты возросло на 90 тысяч. Количество же мальчиков в одноклассных школах сравнительно с сокращением их в школах грамоты снизилось на 32 тысячи. В целом же церковно-приходские школы утратили 122 тысячи учащихся. С учетом распространения церковных школ в 762 уездах России из 885 существующих эти потери не являлись значительными, хотя как показатель снижения их роли в системе начального обучения указанный факт был весьма существенным.

В целом, несмотря на крайне неблагоприятные условия развития в 1907–1912 годах, церковно-приходская школа сумела

[1] См.: Как решался вопрос о церковных школах на Московском общеземском съезде по народному образованию//Церковные Ведомости. СПб., 1911. № 47.
[2] Там же.
[3] См.: *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 41.
[4] Там же. С. 45.

выстоять и сохранить определенное влияние в системе начального образования. Во многом это объясняется тем, что за период своего существования она окрепла и приобрела сторонников. За 25 лет функционирования (с 1884 года) из 197 млн рублей, полученных церковно-приходской школой, более 100 млн поступило из местных источников[1]. Кроме того, благоволение Николая II, столь ясно и категорично выраженное несколько раз за период работы Государственной Думы, не позволило усилить нажим в вопросе принадлежности церковно-приходских школ. Заявление Св. Синода, который в своем определении от 11 марта 1910 года подчеркнул, что «спроектированное думской комиссией по народному образованию объединение школ для Церкви неприемлемо»[2], продемонстрировало жесткую и бескомпромиссную позицию духовного ведомства, стремящегося сохранить свое влияние в жизни страны. И хотя вопрос о коренном реформировании образования весь последующий период, вплоть до 1917 года, будет неоднократно обсуждаться, но все ограничится отдельными мероприятиями[3].

В условиях первой мировой войны проблема развития образования станет неактуальной и вопрос о его реформировании отодвинется на задний план. Церковно-приходские школы, в соответствии со своими задачами, в это трудное для России время стремились усилить в детях, а через них и во взрослом населении, патриотические настроения и призывали всех и каждого принять посильное участие в борьбе с врагом. Сбор материальных средств для военных нужд и забота о беженцах стали составной частью их деятельности в эти годы. Детей школьного возраста из оккупированных районов страны без ограничения принимали в церковно-приходские школы, а в случае их особенно большого притока открывались «беженские» школы. Например, в Уфимской епархии открыли 21 беженскую церковно-приходскую школу. В них обучалось 1010 детей, на обеспечение которых одеждой, обувью и школьными принадлежностями было израсходовано 19 120 рублей. Подобные мероприятия были предприняты во многих епархиях страны[4].

В целом положение церковно-приходских школ останется неизменным до Февральской революции 1917 года. Постановление Временного правительства «О передаче всех начальных учебных заведений разных ведомств в ведение Министерства народного просвещения» от 20 июня 1917 года нанесет окончательный удар по их автономности. В нем отмечалось, что в целях осуществления всеобщего обучения все училища, «церковные начальные (школы) ведомства православного исповедания... передаются в ведомство Министерства народного просвещения»[5]. В условиях же революции, начавшейся в октябре 1917 года, когда решение проблем образования ляжет уже в иную плоскость государственной политики, окончательную точку в существовании церковно-приходских школ поставит в январе 1918 года декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Этим документом, по существу, было запрещено преподавание вероучения во всех государственных и общеобразовательных учебных заведениях, а церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью[6]. В результате церковные школы потеряли финансовую основу и право пользоваться учебными зданиями. Выс-

---

[1] См.: За четверть века. 1884–1909. К истории церковно-приходских школ Московской епархии. М., 1910. С. 44.

[2] *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной Думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 49.

[3] См.: *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования. М., 1949.

[4] Там же. С. 52–53.

[5] ГАРФ. Ф. 2315. Оп. 1. № 288. Министерство просвещения Временного правительства. 1917.

[6] См.: Отечественная история XX в./ Под ред. А.В. Ушакова. М., 1996. С. 182.

шее церковное управление указом от 1 ноября 1918 года вынуждено было констатировать, что отныне не располагает денежными средствами на содержание учебных заведений. С этого момента церковно-приходские школы стали закрываться по всей стране. Тем самым соперничество между светской и церковной школами закончилось гибелью последней.

Социальное партнерство в образовании предполагает создание обучающей среды, когда объединение интересов, ресурсов увеличивает синергетический эффект для решения проблем. Это, несомненно, ведет к повышению качества образовательных услуг и, соответственно, качества жизни. Однако анализ рассмотренного периода позволяет прийти к выводу, что механизм социального партнерства в сфере образования как система взаимодействия, формирующая правила, порядок и соглашения партнеров (правительства, земств, общества, церкви), едва сформировавшись в эпоху реформ XIX века, к 1917 году прекратил свое существование, не найдя точек опоры для взаимодействия.

Понимание того, что грамотность является великой силой, которая имеет созидательное или разрушительное влияние в связи с тем, какое направление ей будет сообщено, создало условия для постоянной борьбы за народную школу между прогрессивными силами и духовной властью. Со стороны приверженцев светского образования возможность ведущей роли православной церкви в обучении народа рассматривалась как фундаментальное препятствие на пути либеральных преобразований и способ консервации феодальных порядков в России. Вследствие этого в условиях поиска государством компромисса с обществом в конце XIX века тенденции светской власти к устранению духовенства от дела народного просвещения были усилены. Духовная власть неуклонно отстаивала мнение, что именно церковно-приходская школа под руководством православных иерархов должна открывать детскому сердцу и сознанию любого человека те пути, которые приведут их к истине. При этом лишь намеренное желание поколебать в народе христианские начала или же совершенное незнание традиционных приоритетов народа могли настраивать общественное мнение против предоставления духовенству преимущественных прав на народное образование. И лишь то, что союз между социальными силами и верховной властью не состоялся, привело государство к убеждению в невозможности преодолеть радикальные настроения в обществе только силой и возвратило его к традиционному механизму воздействия на умонастроение народа — религиозно-нравственному воспитанию, нашедшему свое практическое осуществление в системе обучения церковно-приходских школ. Однако в период сложнейшей модернизации страны в первых десятилетиях XX века охранительные тенденции духовной власти уже не могли остановить разраставшийся общественно-политический кризис.

Безусловно, православная церковь как социальный партнер обладала большими возможностями нравственного воздействия на народ. Напоминая человеку о духовных ценностях, воспитывая его в духе религиозного смирения, призывая различные общественные силы к терпимости, уважению друг к другу, она могла поддерживать социальные связи, противодействовать смуте. Однако на рубеже XIX–XX веков ее руководство духовно-нравственным развитием народа не реализовывалось в полной мере. В первую очередь это объяснялось сращиванием церкви с государством и сближением православной иерархии с бюрократическим аппаратом самодержавия. Смирившись с навязанной ей государством еще в петровские времена ролью помощника в надзоре за населением, духовная власть не добавляла себе популярности среди паствы. Кроме того, живя представлениями прошлых веков, не сумев сориентироваться и перестроить свои взаимоотношения с народом в условиях быстро развивающегося капитализма, церковь начала терять контроль над обществом. Патриархальная набожность крестьян, переходивших в состав рабочего класса, сменялась либо равнодушием к религиозным догматам, либо полным безве-

рием. Тесная связь городского населения с деревней обеспечивала широкое распространение подобных настроений среди народа. В результате влияние церкви слабело, а вместе с ней снижалась роль церковно-приходской школы в системе начального образования.

Объяснения причин краха партнерской системы «государство — церковь — общество» различны. С одной стороны, в отличие от стран католических, где перемена власти, как правило, не отражается на инфраструктуре церкви, в православной России радикальное изменение структуры власти катастрофически или, во всяком случае, глубоко сказывается на всей жизни, положении и даже внутреннем самоощущении духовной власти, а значит, и на учебных заведениях данного ведомства. С другой стороны, реформирование системы образования проводилось бюрократическими методами, без широкого привлечения педагогической, родительской и иной общественности, и, сделав церковное управление своей отраслью, самодержавное государство по своему усмотрению использовало церковный авторитет для своих политических интересов. Общественное же мнение, понимая значение народной школы и роль законоучительского дела, относилось к этому способу использования религии в качестве орудия политической борьбы отрицательно. В результате, в изменяющихся исторических условиях развития страны начала XX века церковь отождествлялась с разваливавшейся политической системой самодержавия, и, естественно, это отрицательно сказывалось на ее авторитете. Представляется, что, если бы в России существовало четкое разделение между царской властью и церковью, возможно, ее роль как духовного руководителя вверенного ей Богом народа оставалась бы соответствующей ее призванию. И тогда неизвестно, какие формы приняли бы драматические события 1917 года, затронули бы они так глубоко нравственное и духовное состояние человека, разрушив саму основу гуманности.

Сегодня стремление к гармонизации интересов общества, отдельных групп населения и каждого гражданина естественным образом вызвало к жизни практику социального партнерства. И здесь самым важным является понимание того, что только заинтересованное участие в развитии образования государства, некоммерческих организаций, представителей бизнеса, культуры и т. д., переосмысление сложившихся стереотипов, осознание всеобщей ответственности за школу позволит эффективно решать задачи модернизации сферы обучения и проведения на практике демократических преобразований.